

Режим доступа: http://ruslan-sidorov.ru/blog/smotritel_majaka_2010/2013-09-24-3

Смотритель маяка - 2010

Сборник продается в [Интернет-магазине издательства "Союз писателей"](#)

* * *

- Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

- Богом.

Быть смотрителем маяка,

Наблюдая издалека

Корабли, пену гребней

И, вблизи, облака.

Нужным всем. Никому

Неприметным, и тьму

Жечь направленным светом,

Уподобясь Ему.

* * *

Рассыпать так слова. Потом стереть.
Потом добавить эдак и понюхать.
Потом в лучах луны их подогреть.
Потом попробовать и тем, и этим ухом.
Потом перчить. Потом перечитать.
Что получилось? - пища общепита.
Февраль и стол; и стужа; темнота,
Но в доме печь. Топилась. Печь - топилась.

* * *

Листва уже желала желтизны;
К началу августа ей надоело лето:
Легонько лечь, уснуть и видеть сны
Про яблоки... Мне так понятно это.
И листья тоже люди - оглянись -
Есть жадные за жизнь, а есть ленивцы,

Есть беглецы... шёл зеркалом среди них;
В меня смотрелись золотые лица.

* * *

Застегнула пуговицы все
Вицмундира ночь и вышла в поле.
Холодно сентябрьской росе,
И ладошки трав не греют боле.

В отражённом жемчуге луны
Жизнь как в детстве видишь бело-чёрной.
Но костёр. И розы для волны
Ковыля и пиши кипячёной.

Если встать на цыпочки – вдали,
Может, разглядишь свеченье точки.
Значит, не один ты этой ночью
На воздушном шарике земли.

* * *

Суставы, устав содержать трёхперстье,
Выпускают ручку затем, чтобы хрустнуть.
Решето небес изо всех отверстий.
Ветер, решивший, что он Карузо.
В целом - вечер; в частности - вечер в кресле.
Не камин, - но печь. Бланманже, птифуры,
Экзистенциализм, суаре... интересно
Вспоминать слова. Инвалид Гафуров
Перепил или недо - лупит Надю
Ором сквозь погоду - дурное соло.
Вновь потянет руку с ручкой к тетради
Для зарисовок.

* * *

Я думал, что я мальчик, которого катят в коляске,
Что ходит в школу дружить и пачкаться мелом;
Чтобы дёрнуть за косу ту, что, юркнувши лаской,
Позже оставит в парадной, красным за неумелость.

Я не думал, что сапоги выдадут на размер меньше...
Что внутренности на ветвях - блестят
непростительно просто...
Что воздух неба, будучи бомбой размешан,
Становится тяжелее, делает тело плоским.

Я не думал, что я - за оврагом лесок.
Я не думал, что я - это глина, вода.
Я не думал, что я, зажимая висок...
Я не думал, что я - Неизвестный Солдат.

* * *

Есть лошадка-качалка для всадника,
золотинка в песочнице – классика,
запеканка из детского садика,
георгины в руках первоклассника.

Рекреация, крошки от коржика,
красным галстуком инициация...
Ничего, ничего не закончилось:
колыбелька Эллады и Лациум,

разделенья на плебс и патрициев
с торжеством неизбежности варваров,
а три тысячи, триста иль тридцать лет...
Те же ляли нам, те же вавы нам.

У природы, причесанной Дарвином,
Марксом, Ницше и Фрейдом – трагедии, -
варианты домашних заданий, но
на "отлично" способны лишь гении.

Остальным остается быть членами
партий, обществ, семей или лишними.
Есть до Страшного Пленума хлебешек,
есть лошадка-качалка. Есть – лирика.

* * *

Пускай все августы на свете
косятся злобным сентябрем,
но клоуны, стихи и дети
бесстрашно пляшут: не умрем!
Длись, високосная реприза!
На невысоком берегу
дни не бегут, а дети, в рифму
играя, вечность берегут.

* * *

Лишь изредка пытаюсь рисовать,
повествовал надуманное в рифму,
а думалось все больше о словах.
Не то чтобы все меньшее отринул,
но думать – с детства значило «решать
олимпиадной химии задачи»,
а как про жизнь подумаешь, душа?
Продумать смерть? – Не знаю, но иначе,
чем распланировать, прицелясь на года
иль меньше – месяцы, отмерить, взвесить;
все это в детстве пройдено, когда
весами и мензурками был весел.

* * *

Пленник лени – о реке, о лесе
никогда я не позабывал.
Жизнь моя, синоним со-жаленья,
незабудкой памяти жива.
От земли несложно отстраниться –
крылья – улететь, а весла – плыть.
Я влюблялся до смерти в страницы.
Да и в смерть листву не разлюбить.
А потом (когда-нибудь да будет)
над пятикопеечной землей
бросьте пару синих незабудок
чтоб цвели за, что не отцвело.

* * *

Коль жизнь серьезна и серьезна смерть,
серьезен Президент, серьезен смерд,
и всех серьезней – над надмирной ватой, -
Поэзия должна быть глуповатой.

В ту дудочку, где дырочки, свистеть.
Ни-ни пророчества, ни-ни дурных вестей.

Оставим футурологам их хлеб.

К тому же есть, я слышал, на земле
серьезные поэты и стихи их
серьезные. Мне хочется хихикать;
и, ставши глуповатым, как добро,
дурачиться расхристанным пером,
юродствовать ввиду закрытых врат,
и, как Сократ, знать то, что я дурак,
что неземною щедростью восторжен.

Лети, журавлик, и синичка тоже,
и голуби, летите: гули-гули.

Гуляю, околачивая дули:
в саду тропа, вдали премудрых тропов
с веселым серым веществом коробки,
столь синим-синим, политым обильно,
что уж не глуповатым, а дебильным...

Когда бы проза – был бы смех сквозь слезы.

Я, улыбаясь, избегаю прозы.

Иван Андреич вывел бы мораль.

Я не Андреич, не Иван, - дурак,

до смерти заигравшийся в слова:

Поэзия должна быть глупова...

* * *

Ну вот, сентябрь... Стало хорошо.

Усохли грузди, подросли опята.

Вот солнце воду пьёт «на посошок»

из озера, чреватого закатом,

студёную. Не ведая стыда,

берёзы обнажаются неспешно,

и, собирая палую одежду,

уходит день за озеро; туда,

где шебуршат машины в городах,

где люди ходят в туфлях без калошей,

где не едят картошку каждый день,

где много денег и сельпо везде, -

на Запад, как учили, нехороший.

Сонет

Те ярусы, что ниже нулевого,

давно обжиты и заселены.

Но где есть дно? – Не знаю; для живого

неведомы пределы глубины.

Я с детства верил на слово и слову:

мы не рабы; не рыбы; все – равны.

Переучиться? - Поздно. Но, по новой
нырнуть, поглубже, жить, увидеть сны,

где выше и Сената и Синода

то дно, на самой глыбе вышины.

А то, что сны по фону зелены,

то – родина, бо все мы рождены,

где гребень бел под синею волною,

где звезды днем доступны и равны.

Дворово-диванная

Опять один; лежу, курю табак.

А ты одна гуляешь с кем-то где-то...

Ну что же, значит, такова моя судьба:

я спать ложусь один и нераздетый.

Мне снится сон, как будто ты пришла

и позвонила в колокольчик двери,

и ты любовь свою с собой привезла

на белом-белом на велосипеде.

Я закатил велосипедик твой
и пел на кухне, щи разогревая.
А ты вошла безмолвно, не сказав ничего,
на кухне села, песне подпевая.

Потом, когда борщом кормил тебя,
я повязал крахмальную салфетку.
Ты ела борщ, горячий борщ любя,
ага,
я всю тебя любил, как любят редко.

И я заплакал от счастливых слез
и, весь в слезах, проснулся на диване
опять один, как месяц над землей
сырой,
и в парк ушли последние трамваи.

Опять один. Сижу курю табак
посередине городского лета.
Гитара, спой, что проклята судьба
и рок,
спой пацанам про проклятых поэтов.

* * *

Твердят-поют: Любовь-Россия-Русь.
А как ее любить – не разберусь.
И что она такое, Русь-Россия?

Москва? Урал? Камчатка? Магадан?

Их сумма? Горы-села-города?

При чем – Любовь?? Какая-то «филия».

«Ты всех краев дороже мне», а я

краев не вижу, все мои края –

деревня эта, дом родной, да город,

да огород, да городьба, да лес.

При чем Любовь? При чем Россия здесь?

Любовь – я знаю – это про другое.

А может быть, традиция. Ага?

Дескать: «люблю Россию», - а врага,

врагов ее, как личных, - ненавижу.

Но пишут с чувством, так, как о живой,

а я не ощущаю ничего –

Слова, слова из букв алфавита.

Понятно, что умом тут не понять,

аршином общим – кстати, для меня

в словах сих еще одна загадка.

«Общий аршин» - он есть по сути

что?

Чего им мерят, если мерил кто? –

покуда пребываю в непонятках.

Ты скажешь, я юродствую. Ну да,
отчасти я юродствую, но дай
ответ серьезный – не дает ответа,
но в ночь идет и плачет, уходя
под музыку июльского дождя,
под нелюбовь незлую непоэта.

Уже и утро. Красит нежный свет
стены известку. Привечать рассвет
проснулись птицы; Ваш слуга покорный
(не Ваш и непокорный неслуга)
с крылечка в росу ступит босиком и
глядит на дымку в розовых лугах.

Дремотствуют окрестные дома.
Над речкой подымается туман.
Моя собака глаз один открыла
и вновь закрыла, нос уткнув в живот.
Пространство над пустою головой
пустотно, и приятное для крыльев.

По всем приметам, будет днем жара,
Так в лес, мой друг, покуда мошкара
не умерла, уснула, видит сны и
не тронет нас, к тому же в этот час
лес пуст людьми, лишь птицы не молчат –

поют, поют, и сладко спеться с ними.

Что я могу еще сказать? Да вот;
что не люблю Россию, что живой
я не люблю министров, президентов,
бездумных депутатов... Продолжать?

Но, как сказал Оккам, не умножай
ненужных сущностей, и так их слишком много.

Все. Выхожу один я на дорогу.

* * *

С апрельским спелым апельсином

сиятельство воды стекла

день делают таким красивым,

что в золоте не видно зла.

В неделю город изумрудный

построит архитектор-май;

весной уверовать нетрудно,

что Бог есть Свет, Любовь;

зима.

* * *

Мой Китеж-град, утопленный в Абушке,

под градом грязи угольной лежит;

он не всплывет; дождит, и с' est la жизнь

из леса гонит до нутра избушки.

И синий бич подхлестывает бег,

и если вправду с неба кто-то смотрит,

как маленький нелепый человек
бежит, оскальзываясь в грязь,
то в морге
я видел эту ангельскую рать
и Пахана их, кем бы он там не был.
Прости... Я утопил мой Китеж-град.
Засим и зол. Но не прощает небо.

* * *

Звуки «Французской сюиты»

Себастиана Баха

посередине деревни, среди ископаемого
картофеля
настолько сюрреалистичны, что думаешь
о прибабах,
о происках Женщины в Белом
по прихоти Мефистофеля.
Но Бах не кончается; мучайся;
клавир хорошо темперирован,
полифония органа меняется с фортепиано,
и, поднятый этой музыкой,
летишь, из контекста вырванный,
вслед лету, из леса ушедшему,
за Бахом Себастианом.

Старый завет

Вот кредо, поэт: ничего, кроме правды
и лжи распрекрасной в стихи не пускай.
Что? – а... плагиат, - это можно, пускай,
но грамотны гранты от истинных грандов.
Воруй, коль не лень их искать.

Заточником будучи в круге вселенском,
вторично заключенный – твой брак заключен:
с Прекрасной Еленой, с Медузой, с Каменной, -
будь честным, будь вором (чифир вскипячен
на влаге Кастальских ключей) пей, не бойся.
Не верь, не проси – коль Земля – замок Иф.
Бежать? – только в Небо, - а небо под Богом,
а наш Кум, хоть зол, но зело справедлив.

Живет по понятиям, к тому же к поэтам
он не равнодушен, хоть сам без души.
Короче, вон шконка, держи сигарету,
давай, покажи, чего можешь; пиши.

* * *

1

Стихи? – это просто, попроще, чем проза.
Ведь рифма не к смыслу уводит, а к рифме,

вагончики слов, и строка – паровозом _
слова глуповаты? – но мы ведь не Рильке
и не Баратынский. Вот пиво, вот пицца.
Садись; наше место; махнем за товаром.
- А где остановка? – В коммуне, товарищ.
- А кто коммунары? – Да так... Олимпийцы.

2

... слова друг за другом: не серой корою,
не сердцем души, - и – не ври, - что любовью.
Давай-ка мы в кухонке дверь приоткроем:
слова порождаются сами собою.
Ты слушай их сердцем, пиши их с любовью.

.....

- Ну как, - глуповато?
- Да так... в этом роде...

* * *

1.

Жить летом вкусно и легко,
Гуляем за грибами.
И красных ягод с молоком
С устатку похлебаем.

Полянка, бережок, река.
Камыш, и в нём – карасик.

И проплывают облака

Воздушными шарами.

Зелёный, белый, голубой...

В зубах – трава с кислинкой.

Ах, если бы ещё любовь...

Но это ты уж слишком.

2

Александрійский стих, воспой светло и нежно

Утешь и докажи, на пасторальный лад,

Что все проходит. Все! Что грусть моя конечна,

Душа моя нежна; печаль моя светла.

Спой про цветы зари, сиреневые дали,

Про золото росы, про ноги – босиком,

Не вздумай позабыть, как земляники давят

Под небом голубым – об небо языком.

Про флейту, что к губам подносят на коленях, –

Звучащий ручеек, – про ряску по краям

(Ни звука попрошу про «время», «поколень»,

Про злобу дня, про зло раскладов по ролям).

Про гром и про сирень, с листвой зелено-черной,

Про мокрый шифер крыш и грязи мягкий чмок,
Дождь изреченный, пруд, дождем изрешеченный.
Вода летит к воде, вода идет домой.

Про баню, про настой из чабреца для пара,
Про то, что будем жить и чище и смелей,
Что не умрет никто под жарким листопадом,
Что тем душа добрей, чем пар чабречный злей.

Про баню, про любовь нескладного мальчишки
К горячему листу и – чтобы жгло уста.
Побольше про любовь, ее не будет слишком,
И не убудет здесь, и да пребудет там.

Про теплые дожди, прогулки за грибами,
И ты один в лесу, в душе лишь светлый лес,
Про то, что счастье – есть, пускай хрома судьба, и...
Про то, что счастье есть, про то, что счастье есть.

3

По грибы, по ягоды
Отправляясь в лес,
На варенье надо бы,
Да и так поесть.

Там чирики разные,
Чувственные птах,

Земляники красные

И любовь в кустах.

Там шмелёк с похмелия

Иван-чай сосёт.

Не цветёт камелия.

Радуга цветёт.

В ручейке купаются

Облако и я.

Оба улыбаются.

Вот она, моя

Родина – не родина? –

Земляника – да.

Зелена смородина,

Что твоя беда.

Что добьёт без промаха,

На мишени – крест.

Отцвела черёмуха,

Отцвела сирень.

Ну а мне-то – рано мне.

В дом спешу строфой.

Дом, закатом раненый,

Точно светофор –

Красный цвет отчаянью

Каждое стекло.

Потому что чайник есть,

Чай и ремесло.

Из подкожных мусоров,

Да из ё-моё

На чужую музыку

Петь себе своё,

Чтоб душа блюдящая

Делалась добрей.

Время – настоящее,

И прямая речь.

4

Убожество блаженных нищетой,

Не только духа, но и той, простой,

Которая заводится в карманах,

Определяет спектр души утех.

Пример: прогулка в жидкой темноте,

Когда ломоть востока чуть румяней.

Тугого льда упругая струя

Из чугуна колонки, беглый ямб
Шагов по изумлённому асфальту
Разбудят до восхода петуха,
Тот заорёт не в строку, но строка
Его стенографирует без фальши.

С асфальта вправо-вниз, грунтовка где,
Лавируя меж следствием дождей,
В которых всё ещё сохранны звёзды,
В конце концов доходишь до моста
Через Коцит, - последняя черта.
И после сенокосом и навозом

Дохнёт навстречу; своего признав,
Тропинку кинет под ноги, чтоб нам
По это самое в траве не обростись.
Рукой подать – и вот она, гора
И лес, где был вчера, позавчера...
Молчащий и берёзовый. Красивый.

И перед входом в лес – вдруг! – сложный хор.
Меня опередил, взойдя, восход.
Восточный дирижёр взмахнул лучами.
Гимн. Так встречают дорогих гостей
(Я видел сам в программе новостей),
И розы на щеках; и это – счастье.

* * *

Кошмар мечты, подкрашенной закатом,
Ещё по-детски звёздно-синеватым;
И краше пахнут разные цветы,
Которые на холмик комковатый
Бросаешь ты за час до темноты.

Финал мечты, подкрашенный помадой,
Карминовый, и ничего не надо
Сказавшему: я больше не люблю, -
Идущему с горы в объятия сада
Огромного, где заперта ограда
И где в замок вставляют с лязгом ключ.

* * *

Кто в жизни Бога не искал? –
таких, наверное, немного;
трансцендентальная тоска –
плод экзистенции без Бога.

Но низачем ведь виноват, -
рожденный был в эСэСэСэРе
по-пионерски честно верил,

что Бога нет, что одна
проживши жизнь, я стану морем,
иль лопухом, начинкой морга
побыв, как водится, сперва.

И вдруг сказали: Бог-то есть.

ОН как бы здесь,
но как бы Там Он,
куда наш ум не залетает.

Читай, мол, Книгу – там все есть.

Читал.

Да нету ни черта там.

Иль горним небом я обижен, -
что вглядываюсь, но – не вижу.

Нет – вижу: лето на закат.

Да через Лету перекаат.

И кажет кукиш в облаках
руководящая рука.

* * *

У подорожника – черный стержень.

Что это значит? – что время вышло,

что у реки закалился стрежень,

что по ночам больше звезд под крышей.

Значит, что август камзол примерил,
впору пришелся, нашел красивым,
дело за золотом позумента,
злато-червонным, за желто-синей

поверху оторочкой. Франту
щедро дано выбирать в витринах
леса сияющие караты
рос в паутинах, звезд в паутинах...

Лето прошло. Начинается август,
месяц груздей, - точно мысли, - черных.
Выйди во двор, посиди на лавке,
где «Р+Л...» - результат зачеркнут.

Вот прилетают скворцы – все видят.
А улетают? Когда? Кто знает?
Вечер и ветер – накинем свитер.
...Тот результат был неравен с нами.

* * *

Одиночество?.. Ну... Я не знаю.
Как насчет – поболтать с книжным шкафом?
Мир миров в этом скромном пенале.
Как так – ты одинок, если – Кафка?
Слышишь, Федор Михалыч стучится? –

открывай же, не будь идиотом!
Одиночество... Хо! Дурачина
А Платон? А Платонов? – Да вот он!
Как ты можешь в компании этой
да на жабу давить, что ты ноешь?
Никогда ты не будешь поэтом.
Я вот – буду! Таким... Одиноким.

* * *

Здесь мы боялись сначала
подъема, сержанта с диким
ртом, командира части;
удара, голода, крика.

Там – мы боялись рифмы
эСэСэСЭР с БэТээРом,
который горит, и внутри мы –
вчерашние пионеры.

Потом уставали бояться
смерти, живущей с нами, -
боялись пули по яйцам
от прибалтийских снайперш.

Теперь же душа безмерно
боится, - а вдруг да есть

мир, где она бессмертна,
и мир тот похож на – здесь.

* * *

Магическая сила! Ночь.
а до утра еще почти полжизни,
нам париться за разное вино
в застенке обезьянника фашистском.
Проситься: командир, пусть
сходить...
Но тот демонстративно
чистит пушку
и вожделеет орден
на груди
за то, что он набил на всю катушку.
Подвыпивший и праздничный наряд
(А пьяные складированы в койках)...
Купюры в сторону, а в банку – серебро.
Таков закон.
Таков пахан в законе.

Кого-то бьют за стенкой. Он орет.
Потом куда-то волокут кого-то.

а самый стойкий в мире – мой народ –
в застенке травит воздух анекдотом.

* * *

Ну вот и жизнь сложилась. Посмотри:
доволен ли полученным раскладом?
Вершинами, что гордо покоришь?
Вот только отвечать, мой друг, не надо.

Не надо вслух – бумага – напиши
про то, что «жили-были», про вершины.
Про то, что жизнь сложилась от души,
про то, что жизнь, по-своему, сложилась.

* * *

Пивко и шашлыки – вот это да!
С похмелья ни до дам, ни до камелий.
Путь Белль идет с уродом в Нотр-Дам,
а ты давай закусывай, земля.
Земля, - я так скажу тебе – кругла –
на, - закури мои, чего ты куришь? –
Сегодня я, а завтра ты банкуешь,
как первый рыцарь круглого стола.

А я смотрел на золото-серебро
и кожу крокодиловой барсетки.
Я не сказал, что ставил на zero,
где смерть-крупье проигрывает редко
и, следовательно, умирать – легко.

Я жить хотел и слушал полуфеню,
и шашлыки заглыкивал пивком,
и «Мальборо» покуривал трофейный.

* * *

Жизнь – это способ...

(Ф. Энгельс)

Безбашенный, в башне живущий, поэт
стоит у окна, наблюдая рассвет,
и солнце ему по колено...
по пояс... по грудь... а теперь – тет-а-тет.
Улыбка – улыбка. Включается свет,
и жарится с кровью котлета

Бифштекс (а без крови безвкусны стихи).

Вот ножик, вот вилка – кусочек – белки
вступают в обмен организма.

А далее чай, сигарета и жизнь.

И черные строки – стрекозы, стрижи
в пространстве за-на-под карнизом.

И строки страничные жизни живой:

от Рильке – до слез; от себя – до Него;

и пепел, и трепет... И Хронос

до вечера не существует, пока

крово-закатное сквозь облака

с отсрочкой от прочных вопросов

Две темы в поэзии: жизнь и любовь.

Еще одна, может быть, только вот кровь

с «одною» смириться не хочет.

И, небо и землю смешавши с собой,

в такие чернила толкается в бой

в бифштексе, и тот кровоточит.

Предбанник

1

Натуре к переменам путь заказан.

Столетье проживи я на земле,

а все б любил – египетские казни,

любительские вирши, осень, лес.

А не любил нудную работу;

обязанности страдные нести

и творческого звания – оболтус, -

держался бы как места и пути.

И пусть себе панует энтропия.

В натуре ей в законе возрастать.

Натура да содержит Фермопилы

судьбою заповедные под стать.

2

Ходить, вымалчивать стихи
под синью тишины осенней,
роднящей ОСОВИАХИМ
с Кастальской сенью,
сближающей – где жизнь? где смерть? –
листы, страницы.

Молчать, и слушать и смотреть:

И став в Касталии каникул
от многоглаголанья дня
и от бессонницы похмельной
дать жизни жить через меня
во всю осмелясь.

3

Живу в предбаннике, меж книжек. Жизнь – по мне.

При мне топчан; со мною чай и чайник.

и по ночам царапины спине
на память дарит веник, измочалюсь
во исступлении. И наступает сон;
в нем пережитый день, березы, грузди
и облака, летящие в воде,
на север убегающей; сны в руку.

Покуда не замерз еще сентябрь...

Еще фортуны виден полупрофиль...

И бабочка лимонная в гостях
на баночке с повидлом и напротив.

4

Счастье есть. С чего бы это?

Сам не знаю. Просто так.

Осень – маленькое лето.

Вот так ловко! Красота!

С ней роскошная фемина

Воротилась домой.

Счастье – есть. А горе – мимо.

Вот так ловко! Боже мой.

Осень. Ветер пахнет небом,

Дождь – дождем. Грибами – лес.

Счастье есть. А если – нету?

(...) Как же нету (...), если есть!!!

5

Позволить печали печалиться

Иль радости изливаться

Равно хорошо в молчании,

Но не равно словами.

Поход психотерапевтический

По жизни, по лесу, по строчкам,

По качествам без количества

(Ибо вечность несрочна)

Оздоровляет здорово,

Хотя встречаются при этом

Странные мысли голову:

- Есть ли в раю туалеты?
- Отчего всё же топятся лемминги?
- Как понять Витгенштейна?
- Сколько лет уже Ленину?
- Почему не «телер», а «телик»?

Вот и солнце у левого берега.

И пора мне обратно.

Я ни в чём не уверенный.

И это радует.

6

Я здесь был хронически счастлив,

В себя уходил далеко...

С корзинкой грибов возвращаясь,

Холодное пил молоко.

В предбаннике жил я. За стенкой –

Чистилище – пламенный рай.

Ночами я вкусные пенки

С премудрых страниц собирал.

Количество суток в молчанье

На качество жизни души

Я здесь перевел; я был счастлив –

Веселые вирши вершил.

Кадила ботва огородов;
Дым сладок, и горек, и сиз.
Я был ежедневно свободен,
Как мало кто был на Руси.

За берег закинулось солнце,
А в бане березы зажглись;
Умыться созвездьем – высоты
На розововодье легли.

СТИХИ БЕЗ НОТ

Шизофрения

- «Ах, эта черная луна», - сентиментальность
- А «черная звезда»? – иди туда!
- «Ах, эта черная спина», - да ты охальник
- А «черный Аверроэс»? – Да. О, да!

Тут интеллект и свежесть есть; а что он – негр?

- Да я не знаю, кажется, араб.
- Араб? Да нет... После всего... такое Нет
- Тогда, быть может, «черная дыра»?
- Не надо... смысл... не комильфо... не надо «дыру»!

- Ну как с тобою песни сочинять?

- Давай - «гражданская война», про командиров...

- Но это было, было! – Пусть! Опять!

Ах ты, гражданская война.

Три командира.

Зеленый, синий, белый.

И другой.

(- на это точно скажут нам: четыре было,

но белого убили подо Мгой).

Потом убили остальных (тут нужно плакать),

вот я лежу, весь дождичком умыт.

И нету мужа у жены - (развод); и слякоть.

Все это повлияет на умы.

Ах, эта красная страна.

Ах, черный ворон.

Пройдут года, настанут времена...

И вот они достались нам...

И NE-VER-MO-RE

не выбраться из этого... Война!

Мандельштамовские вариации

Возьми на память из моих ладоней

Вкус родника и запах земляники.

Прими от губ не поцелуй, а слово.

От глаз моих закат по-над водою,

Окрашенной нестрашной кошенилью,

Но дважды не войти в неё по новой.

Нам остаются только поцелуи

Не в сердце, - попрохладнее, повыше;

Бог бережённных нежно нянчит дольше.

Опять плыву под парусом Колумба

Иных Америк. Пусть морские выси

С твоей земли - меня напомнят, доча.

Про моё...

...рондо

Если ты упал - надо встать.

Если ты стоишь - то беги.

Если ты бежишь - то взлетай.

Влёт собьёт - сначала читай...

...язычество

После падения - живой

Икар мне часто говорил:

«Путями сердца своего

Ходи, насколько хватит крыл».

И Феникс, - вынес из огня

И зная, - мне ещё не раз, -

Полусгоревшего меня

Лечил такой же парой фраз:

«Лети, насколько хватит крыл,

Путями сердца твоего».

И восставал из гроба вон.

И шёл... шли годы с той поры...

- Когда ж не будет ничего,

Ни крыл, ни сил? - я вопрошал.

И отвечала: Ничего -

Досель молчавшая душа.

* * *

Начав повторяться, - понимаешь: пора

Бросить перо. Заняться дельным делом с утра,

Например - ловлей бабочек, перечитав сперва

Русского дворянина, игравшего так в слова,

Что его скраблы - перлы английского языка,

Только пикап без денег - это как в дурака

Без козырей - шансов сырых - зеро.

Так что кончай повторяться и подыми перо.

* * *

Спроворить из хлеба подобье пира.

Колба называется лук победный.

Асфальт, заливаемый пенным пивом,

шипит с утра до почти обеда.

Наполнить с горкой гранёный кубок

и опрокинуть - погода шепчет.

Из устриц остались одни лишь губы

с оттиском «только для сумашедших».

* * *

Бывает так:

Выходишь в ночь – февраль.

Раскалена и оголённа злоба

Зелёного небесного костра,

И тени пальцев веток на сугробах

Царапают затейливую вязь

Лежащей тени парковой ограды.

Сухою злостью февраля являсь

Мороз добрее был

Твоей прохлады.

Высокий скрип цыганских

Башмаков,

Пространство, в такт шагам,
На части режет.
Бывает так серьёзно нелегко! -
Что хочется трезветь как можно реже.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

* * *

Как сустав из суставной сумки,
Стих сердцем выворочен из
Грудной клетки.
В выморочь ночи свет несущий
Данко.
Кто за ним? – слепы.

* * *

Занесёшь над строкою руку,
Помедлишь. Так на курок
Нажимать не спешат.
Любовь, и Разлука, и Мука –
Сёстры? – Музы.
И мать им – Душа.

* * *

Обидно умереть чужою смертью,
Когда с тобою родилась твоя.
А вы не встретились, друг друга не заметив,
Не обнялись, не прошептали: «я...»

Обиднее лишь жизнь прожить чужую

В неведение: зачем и что ты здесь.

Так Маугли воспитывают джунгли

Пока он не узнает – кто он есть.

* * *

Потеплело. Май макает в белое

Яблони, черёмуху, рябины,

И крапива для салата спелая,

Скушать каротина с аскорбинкой.

Дождь. А на душе лишь распогодилось,

Всё равно - судьба ли, не судьба ли -

Докопаю грядку в огороде и

Вниз под огород пойду рыбалить.

Стоики восславили апатию,

Но рыбалка - страсть и я не стоик.

Оставляю Клио клеопатрово

И один удить иду простое.

* * *

Листья... Счастье ли в их лепете

Или беда.

Лето помню:

Были лебеди и лебеда.

Те – в пруду, а эта – около.

Колокола

Из далека били в облако...

Любовь была.

Лета лёт. Великолепие.

Зеркальна гладь.

Сколько лет прошло?

Столетия.

(За память – «пять»).

Боль – как фон. На фоне – милое.

И так – дотла.

Мглой могильной

Помнишь, милая.

Любовь была.

* * *

Кончено! Конечно, так и нужно

Разом разрешать любую тяжбу.

Отчего же на душе недужно.

От чего же на сердце

Так тяжко.

Оттого, что память –

Незабудка.

Оттого, что совесть –

Недотрога.

Понемногу привыкаешь к Богу,

Точно к мысли,

Что мы все

Там будем.